

Собирались, как под знамя,
На дорогу в никуда.
Лузитанскими крестами
Размалеваны борта.
«Под завязку» перегружен,
В ночь стартует самолет...
Ты Европе не был нужен,
И тебя с тревогой ждет
Африканская саванна —
 жесткий росчерк ковыля,
Африканская саванна —
 раскаленная земля.

Алькор. Африканская саванна

Где-то в Центральной Африке

Они бежали. Изо всех сил, спотыкаясь о брошенные вещи, скользя на потертых керамических плитах. Аэропорт в свое время строили французы и справились с задачей неплохо. Во всяком случае, даже местные с их кривыми руками не смогли привести его в окончательно нефункциональный вид. Именно по причине заложенного строителями колоссального запаса прочности воздушные ворота столицы все еще стояли. Фасад из стекла и алюминия давным-давно превратился в крошево и месиво, а внутренние помещения все еще держались. Разумеется, перегородки, разделяющие помещения — фикция, гипсокартон, зато внешние стены сработаны отменно. Качественный железобетон неплохо держал выстрелы старых гранатометов, а единственный бывший у атакующих танк защитники аэропорта подбили еще во время первого штурма.

А сейчас те, кто укрылся в аэропорту, бежали по коридорам. Отставших не ждали, когда очередной толстяк, хрипя и держась за сердце, плюхался у стены, никто даже не оборачивался. Страх убивал эффективнее вражеских пуль.

— Сэм, Фрэнк, — высокий, но кажущийся коренастым из-за тяжелого бронжилета лейтенант-морпех остановился, — я предлагаю задержаться и поговорить с этими ублюдками.

Его подчиненные, все, что осталось от защитников аэропорта, переглянулись. То, что говорил лейтенант,

было пропуском на тот свет. Но тогда у беглецов появился шанс — у дальнего терминала ревел двигателями русский самолет. И если они до него доберутся...

Даже без оружия и брони, даже связанный, единственный русский был для местных страшнее любой армии этого зачуханного континента. В доказательствах это не нуждалось, поскольку было вбито в подкорку, на уровне безусловных рефлексов. Русские и вбили, эффективно и безжалостно. Их боялись всерьез, и даже не потому, что они были запредельно круты. Нет, крутизну никто не отменял, но главное — за последние десятилетия русские привыкли стрелять, не задумываясь и не стесняясь. И никогда не прощали обид. А дикари это оценили — они вообще уважают силу. Поэтому ни одна пуля не будет выпущена в сторону русского самолета — за это можно и пару вакуумных бомб получить. А русский Большой Дедушка — это почти сто килотонн, перед применением которых военные не остановятся. Для них туземцы значат не более чем для самих американцев.

Но вмешиваться они не будут, нет. Это противоречит их принципам. Людей увезут, но останавливать штурмующих, чтобы дать беглецам время добраться до самолета, не станут. Кто не успел — тот опоздал, своих же граждан они вывезли еще неделю назад, когда проблемы только начинались.

— Без проблем, лейтенант, — Фрэнк огляделся, мигом определил позицию и начал устанавливать свой пулемет. Аккуратно, обстоятельно, как делал все в этой жизни. Иначе и быть не могло. Раз уж остальные погибли — значит, такова их планида, стать последним рубежом. Страшно, конечно, вот только они — морская пехота, а не разноцветный сброд, пошедший в армию лишь ради получения гражданства. Они — элита, и это обязывает.

Сэм лишь ухмыльнулся:

— Я с тобой, лейтенант. Постреляем обезьянок.

Учитывая, что предки Сэма были из Африки, может статься даже откуда-то из этих мест, звучало двусмысленно. Вот только цвет кожи — единственное, что было у них общего. Настоящий американец и настоящий морпех, горячо презирающий борцов за права всевозможных меньшинств, Сэмуэль Бартон устроился за бортиком давным-давно не действующего фонтана. Место удобное, трое остановят здесь целую армию. Пускай и ненадолго.

Но хотя местные и по интеллекту, и по образованию недалеко ушли от обезьян, кое-какими зачатками разума, основанного на инстинкте самосохранения, они все же обладали. Во всяком случае, после первой же очереди, отшвырнувшей назад самых нетерпеливых, желание переть в лоб на пулемет у них отпало. Сидели где-то за углом и громко переругивались — видимо, решали, кто виноват и что делать. Можно было попробовать достать их — теоретически пулемет должен прошивать эти стены насквозь. Но бить вслепую, когда патронов всего ничего... Нет уж, лучше подождать.

Стук шагов позади морпехов прозвучал неожиданно громко. Лейтенант обернулся — и с трудом удержал решившую опуститься ниже поясного ремня челюсть. По коридору, не скрываясь и никого не боясь, шли русские.

Их было двое, и выглядели они, как на картинках. На тех, что отпечатаны в наставлениях по ведению боевых операций. Ну, или в любимых комиксах Сэма. Практически неуязвимая для легкого стрелкового оружия броня — керамика, титан, кевлар. Футуристичного вида тактические шлемы. Экзоскелеты — с таким обычный человек может поднять тонну-другую или одним ударом кулака смахнуть чью-то глупую башку. В общем, крутое снаряжение, подобного у русских

не так много. Но их самолет охраняли совсем не мальчишки-первогодки, а для серьезных подразделений снаряжение всегда найдут. Завершало картинку вооружение этой парочки — крупнокалиберный пулемет «Корд», который один из русских, тот, что повыше, небрежно забросил на плечо, и «калашников», нестареющая русская классика, у другого.

— Хэлло, парни! — поприветствовал американцев парень с «калашниковым». Почему парень? Да просто голос был совсем молодой, с таким ни за старца, ни за роденовского мыслителя все равно не примут. К слову, говорил он практически без акцента, что для славян само по себе достижение. — Вы что тут, до конца жизни сидеть планируете?

Тон был веселый, но ствол автомата как бы невзначай смотрел на американцев. Опытный, несмотря на молодость, и доверять никому за просто так не собирается. К слову, дырок с такой дистанции понаделает запросто. Русские консервативны, давным-давно есть автоматы куда совершеннее, но «калашников» с его мощным патроном и невероятной надежностью по-прежнему вне конкуренции, и не спасет от него никакой бронезилет.

— Думаю, да. А вы кто и откуда?

— А нас комроты послал. Говорит, нечего храбрым помирать, для этого труссы есть. Пошли.

— А...

Здоровяк с пулеметом сделал успокаивающий жест, шагнул вперед и проорал на скверном английском, что если хоть одна сволочь с той стороны дернется, он их сам, своими руками... Увы, дослушать не удалось — кто-то из местных, видимо, не счел угрозу серьезной и на куда лучшем английском, чем у русско-го, обругал его в ответ. Это он зря, конечно.

Лейтенант смотрел учебные фильмы и знал, что «Корд» — единственный в мире крупнокалиберный

пулемет, который может вести огонь с сошек, будто обычный ручной или там единый. Но вот что его можно использовать прямо с рук... Вот это было уже откровением. И хотя умом лейтенант понимал, что заслуга тут не столько пулеметчика, сколько экзоскелета, все же повторить этот трюк бы не взялся.

Откровенно говоря, выглядело происходящее эффектно. Пятидесятый калибр¹ — вообще хорошая штука, особенно если он есть у тебя, а у противника его нет. Пули оставляли в стене дыры, в которые не то что кулак — голову просунуть можно, ушей не ободрав. Когда рев пулемета оборвался, наступившая тишина показалась оглушительной. А ведь всего-то на десяток патронов очередь. С той стороны молчали. Зацепили кого или нет — понять было трудно, да и неважно это, честно говоря. Уцелевшие явно лежали тихонечко и пукнуть боялись — вдруг услышат. Русский пулеметчик рявкнул, что если хоть один микроцефал осмелится шевельнуться в ближайшие полчаса, то он лично открутит ему башку, и махнул рукой — пошли, мол. И оспаривать его предложение никто не стал — в конце концов, местные и впрямь не помышляли больше о преследовании — страшно им было очень.

Уже покидая место боя, лейтенант позавидовал русским. В их стране знали, как реагировать на хамство, и не стеснялись делать это. Позавидовал — но мысль развивать не стал, не до того было. Если уж выпал шанс уцелеть, надо его использовать, и он бежал по коридору, наплевав на все остальное. Бежал — и надеялся, что самолет не взлетит, пока не примет на борт всех.

Когда они подбежали к выходу, посадка шла во всю. Вроде бы неторопливо, но крайне деловито, без

¹Американская система калибров основана на долях дюйма. 50-й калибр — 0,5 дюйма, или 12,7 мм.

лишних телодвижений, а потому в очень хорошем темпе. Словно тут не русские командовали, а немцы какие-нибудь. Народу было... В общем, много. Но русские не зря подогнали военно-транспортный «Ил». Без удобств — но поместятся все. Лейтенант облегченно выдохнул и тут же оглянулся — не видит ли кто, что ему на самом деле страшно было до дрожи в коленях. Остальные, похоже, испытывали схожие чувства, и только русские по-прежнему выглядели безлико грозными и непоколебимо уверенными в себе. Хотя, возможно, заслуга в том не их, а шлемов с глухими забралами, не позволяющими рассмотреть выражения лиц. И именно в тот момент, когда лейтенант поверил, что все закончилось, события завертелись с утроенной скоростью.

Одна из стен вдруг вспучилась пузырем взрыва. Тот, кто ставил заряд, явно знал свое дело — сравнительно тонкая перегородка отлетела прямо в толпу, и туда же пошла ударная волна. Людей раскидало, будто кегли, а через секунду в пролом хлынула потная, вонючая толпа аборигенов. Не иначе накурились чего-то, раз не испугались даже русских, успел подумать лейтенант, вскидывая штурмовую винтовку. Мысли текли как-то спокойно, будто бы параллельно тому, что здесь творилось. А еще параллельно скользнуло понимание, что остановить толпу, имея только легкое стрелковое оружие, не получится — они просто не успеют. К тому моменту, когда мысль оформилась, первый магазин уже опустел, и руки независимо от разума на полной автоматике вставляли следующий. И ясно было, что даже передернуть затвор он уже не успеет...

Их опять спасли русские. Крупнокалиберный пулемет гулко зарокотал, и поток огня смахнул нападающих, вымел их обратно за стену. Это было жутко — видеть, как пуля разрывает цель на куски, по-

ходя сворачивает башку второму, протыкает насквозь третьего и уходит дальше. Через какую-то пару секунд атакующих просто не осталось, только фрагменты тел да кровавые кляксы разных форм и размеров на посеченных осколками стенах. Хотя нет, кто-то все же уцелел.

Дикарь в рваном камуфляже с абсолютно безумными то ли от ужаса, то ли от наркоты глазами успел проскочить дальше остальных, что его, собственно, и спасло. Пытаясь его уничтожить, пулеметчик неминуемо зацеплял беженцев, а что может натворить пуля «Корда», все только что видели. И вот, уцелевший благодаря своей шустрости боевой обезьян держал сейчас перед собой девчонку лет десяти, закрываясь ею, будто щитом, упирал ей в висок ствол архаичного (а другого оружия в этих местах и не бывает) пистолета и что-то орал на своем тупом языке. Что — понятно без перевода. Наверняка «бросьте оружие, или я ее убью» или что-то столь же банальное. Идиот!

Действительно, идиот. В большом городе, с прессой и правозащитниками, подобное еще, может, и прокатило бы. Но не здесь и не сейчас. Русские, в общем-то, спокойно относились к гибели чужих гражданских. И уж, конечно, не станут посылать специально обученного психолога, дабы тот разрулил ситуацию, придя к устраивающему всех компромиссу. Они... Ну да, все правильно. Один из тех, что приходили за лейтенантом и его парнями, тот, который помельче, небрежным движением забросил автомат на плечо и зашагал в сторону незадачливого террориста, на ходу извлекая длинный тяжелый нож.

Что процесс идет совсем не так, как предполагалось, местный сообразил слишком поздно. Попытался развернуть пистолет в сторону угрозы — и не успел. Русский вдруг качнулся влево, вправо, уходя с линии прицела, а потом небрежно так взмахнул рукой и лов-

ко подхватил девочку, освободившуюся от рук ставшего вдруг занятым совсем иными проблемами горе-войки. Чем он был так занят? Да все просто, из последних сил пытался зажать рану на горле, из которой веером била кровь. Безуспешно, конечно — после такого не живут.

— Все-все, успокойся, — русский подхватил ребенка на руки. Ну да, русские вообще сентиментальны. — Все уже закончилось, никто тебя не обидит...

Лейтенант огляделся. Русский прав, действительно все закончилось. И не так даже страшно, как вначале казалось. Все же не настолько силен был взрыв, да и куски гипсовой плиты — это не обломки кирпичей. Разумеется, кому-то не повезло. Вон, одного, видимо, раненого подхватывают под руки, дабы помочь встать. Еще кого-то оттаскивают в сторону. Кстати, при этом не забыв проверить карманы. У женщины с оторванной головой забирают сумочку. Еще у одного, крупного мужчины в еще недавно дорогом, а теперь изорванном и грязном костюме вынимают из рук «дипломат», буквально выворачивая ручку из успевших заостенеть пальцев. Лейтенанту стало противно.

К счастью, времени для эмоций уже почти не осталось. Через пять минут посадка закончилась, и огромный самолет, набитый людьми так, что они буквально впрессовывались друг в друга, начал выруливать на взлетную полосу. Потом рев двигателей, разгон, да такой, что многие не удерживались на ногах, падая на соседей, и вот они в воздухе. Еще два часа без удобств — и они на базе русских ВВС. Там их покормили, разместили и, к удивлению лейтенанта, ни у него, ни у его людей даже оружия не отняли. А еще через неделю он уже докладывал полковнику Бассету о происшедшем, и по хмурому лицу старого вояки понимал — тот совершенно недоволен, что его под-

чиненный вольно или невольно сотрудничал с русскими. Лучше б ты сдох, читалось в его взгляде, но доставлять ему это удовольствие лейтенант не соби-рался.

Шестью годами позже

— Похоже, дело будет резонансное...

— Думаешь? — Иванов лениво зевнул. — А мне ка-жется, полная ерунда.

— Ерунда, конечно. Только вот либерасты, всем на свете обиженные, вой поднимут. Что у нас, что за бу-гром.

— И что с того? Нашим дубиной по хребту, ихним большой и красивый «фак». На том, в принципе, и все. Разве что прыгуны будут крикать, но их, сам знаешь, никто не спрашивает.

— Еще шпроты...

— Да, те заблажат наверняка... Ну и хрен с ними! Кого волнует их тонкая душевная организация? Заку-ска всегда чем-то недовольна, но это не портит аппетит медведя. Пошлем — утрутся.

Лисицын вздохнул. В свете нынешних тенден-ций, скорее всего, так и будет. За последнее время по-сылать соседей в дальние далека, грозно бряцая при этом оружием, стало модным трендом. Это неплохо, но иногда напрягает. Впрочем, сейчас и в самом деле слишком мелкий повод для чего-то серьезного. Вот раньше...

Раньше орк был орком, а сейчас он, глядите-ка, ор-коамериканец и никак иначе. И не понимает, что его право называться так и только так заканчивается ак-курат на русской границе. В результате обиделся на то, что его угостили бананом, попытался дать в рожу нетолерантному студенту и получил сразу от пятерых. Вызвал полицию и подал в суд, уверенный, что, как